

Дождь в Кострове уже целую неделю лил не переставая.

Была бы возможность, Васса ни в жизнь не вышла бы на улицу в такую погоду. Но нельзя. Визит к Демьяну Демьяновичу в кардиодиспансер — святое. Это Васса усвоила с самого раннего детства. Назначено — приди, ибо от посещения доктора зависит твое собственное здоровье, такое ненадежное.

«И в чем только жизнь держится у моей девочки...» — не раз скорбно вздыхала тетя Поля. В этих словах Васса слышала жестокую иронию, но спорить с простодушной тетей не собиралась. Не хотела ее расстраивать лишний раз своим недовольным брюзжанием. Потому что внешне Васса уж никак не выглядела хрупким и слабым созданием. Скорее, наоборот, такая упитанная девушка с круглыми румяными щеками и толстой темно-рыжей косой, напоминающей разновидность батона, который еще называют плетенкой. Девушка, готовая с утра до ночи пахать, сеять и жать без усталости. Но это было обманчивое впечатление.

...Васса покинула дом в полной «боевой амуниции» — плаще-дождевике с капюшоном, высоких резиновых сапогах, еще прихватила с собой зонтик с широким куполом.

Возле дома журчал небольшой поток, он стекал на мостовую, а дальше уже вливался в довольно бурную реку серого цвета. Васса мужественно вступила в эту реку, воды оказалось выше щиколотки.

Пока шлепала до трамвайной остановки — отчаянно вспотела в плаще, совершенно не пропускающем воздух. И голова в капюшоне зачесалась, поскольку волосы создавали эффект плотного головного убора. Зимней меховой шапки! «Упаду я в обморок или не упаду? — со скорбным любопытством прислушалась к ощущениям Васса. — Пожалуй, если упаду, то сразу захлебнусь в этой грязной воде. Вероятно, меня унесет потоком в какой-нибудь подземный коллектор. В тот самый, в который под городом загнали речку Дымку. Тетя Поля заявит о моей пропаже, и пока меня не найдут где-нибудь в трубах или уже за пределами города, у шлюзов, тетя будет горько плакать о том, куда ее бедная девочка исчезла... Но, может, оно и к лучшему, если я утону — отмучаюсь быстрее. И тете Поле легче, хоть для себя немного поживет...»

Но на самом деле Васса не очень-то жаждала утонуть в этих грязных потоках. Выбрать бы какую-нибудь другую смерть, красивую и легкую. Поэтому Васса отогнала мрачные мысли прочь и мужественно преодолела расстояние до трамвайной остановки. Народу здесь стояло довольно много, верно, трамвая давно не было.

Надеть защитную маску на лицо или нет? Васса решила, что не надо, потому что в маске она окончательно задохнется. Сезон весеннего карантина, с его жесткими требованиями, уже прошел, а до осеннего еще тоже было не скоро... Сейчас, в период эпидемиологического спокойствия, мало кто носил маски, хотя сред-

ства массовой информации рекомендовали населению не расслабляться даже в межсезонье, тем более в общественных местах.

Про маски до сих пор спорили — носить их постоянно или не носить, где именно носить. В сети, да и в реальности, постоянно вспыхивали споры на эту тему, а ученые то и дело подливали масла в огонь, публикуя новые исследования, которые то ниспровергали ношение масок, то считали маски единственным спасением от зловредных вирусов и бактерий.

Наконец подошел трамвай. Васса пропустила людей вперед, сама решила зайти последней. Сложила зонт, подняла лицо к тепловизору, который располагался над дверями. Этому учили с детства: как правильно вести себя в общественных местах, куда пройти можно только после того, как тепловизор оценит твое состояние. Надо поднять голову перед специальным датчиком, измеряющим температуру на входе, чтобы головной убор, если он есть, не заслонял лицо, и снять очки. Очков у Вассы не было, поэтому она просто подняла лицо. Насколько она знала, температура измерялась в уголках глаз, там, где располагались слезные каналы...

Ерундовая процедура, но каждый раз теперь Васса испытывала небольшой мандраж: а ну как запищит сигнал, замигает красная лампочка, сигнализируя, что данный человек не имеет права находиться в общественном месте? Потому что такое случалось в детстве, довольно часто. Потом долго ничего подобного не происходило, но прошлой зимой снова повторилось. Ужасно неприятно — эта «цветомузыка», все вокруг смотрят, натягивают на лицо защитные маски, если кто не в них... Когда после подобного случая Васса вер-

нулась домой, тетя Поля вызвала доктора. К счастью, у нее оказалась обычная простуда. Но все равно пришлось долго сидеть дома, утешая себя тети-Полиными тортиками, печь которые та настоящая мастерица.

Тепловизор никак не отреагировал на Вассу. Она вошла в трамвай, провела ладонью правой руки перед валидатором, не касаясь его экрана. Списалась одна поездка.

А ведь когда-то люди жили без чипа. С бумажными деньгами, какими-то там платежными карточками, которые можно было легко потерять, с кучей разных документов, тоже из бумаги, пластика... Ужас как неудобно, наверное. А, и ключи, еще ключи от дома, от дверей, таскали с собой! Люди специально покупали сумки под это все — ключницы, кошельки... Кило, не меньше, всякого барахла приходилось носить с собой, а если что забудешь или потеряешь — вообще караул.

То ли дело чип величиной с рисовое зернышко; его внедряли с самого рождения человеку под кожу с помощью специального шприца, в правую кисть, между большим и указательным пальцем.

Этот чип давал доступ ко всем документам — и к свидетельству о рождении, и к паспорту, и к медицинскому полису... И ко всем финансам человека... Можно оплачивать покупки в любом месте.

Теперь не требовался отдельный пропуск на работу — достаточно провести ладонь перед специальным устройством на проходной, и вперед. Двери в подъезд и в квартиру тоже открывали с помощью чипа.

По чипу также можно было найти человека в любой точке земного шара, так что теперь не бывает никаких там пропавших без вести. Это к вопросу о под-

земном коллекторе, в который может затянуть Вассу при наводнении... Ее тело найдут в грязных подземных водах, рано или поздно, тоже благодаря чипу. Гео-локация!

Васса знала, что когда эти чипы только стали применять, то многие люди возмущались и даже протестовали. Боялись, что с помощью чипа можно будет ими манипулировать. Типа вдруг случись что с чипом — и уже ни денег, ни документов, и никуда не войти: ни в транспорт, ни домой, никакой медицинской помощи... Запросто можно умереть на улице, без крыши над головой, от холода и голода.

Но эти страхи никак не оправдались. Наоборот, с чипами жизнь стала проще и удобней. Да и безопасней. Чип, а что чип, это просто носитель кода в базе данных и датчик местоположения.

...Если вопрос с масками зависел теперь от сезона, то с перчатками дела обстояли иначе. Теперь в общественном месте их ношение стало обязательным всегда. Вернее, населению давалась альтернатива: либо носите перчатки, граждане, либо очищайте руки, а иначе штраф. Иммуитет у населения понизился, и кожные заболевания стали массовым бичом.

Васса перчатки сегодня забыла. Поэтому, оплатив проезд, она сунула ладонь под дозатор с санитайзером, быстро размазала порцию очищающего геля в руках. Помнится, обещали поставить везде устройства нового типа, дезинфицирующие руки с помощью ультразвука, но такие приборы оказались дорогим удовольствием... «Любителей» гелевых санитайзеров можно было угадать издалека по красным и изъязвленным рукам. Словом, типичный житель мегаполиса, боящийся зара-

зы, — это человек с плохой кожей на лице и руках, к тому же пугающий своим кашлем и сиплым дыханием окружающих, поскольку привык все вокруг мыть с дезинфекторами. А они не очень хорошо влияют на легкие при вдыхании...

Васса вдруг заметила, что в конце вагона было как раз свободное местечко. Она ринулась туда, на ходу расстегивая плащ. Плюхнулась, с трудом отдышалась. «Наверное, от меня пар сейчас идет... Дурацкая погода. И платье это теплое, для зимы, зачем я его сегодня надела?!»

Трамвай еще некоторое время не двигался, стоял на одном месте, словно раздумывая, с распахнутыми дверями. Тетя Поля говорила, что раньше общественный транспорт работал быстрее. Люди сели, двери закрылись, и — погнали. Это потому, что водителями тогда являлись живые люди. Теперь общественный транспорт стал полностью беспилотным. Оно, конечно, хорошо — никаких ДТП, никаких ускорений и торможений, при которых могут упасть пассажиры внутри транспортного средства, но зато жутко медленно.

Наконец двери закрылись, и трамвай плавно двинулся с места. Васса уставилась в окно.

Слева изредка проплывали грузовые машины, без кабин и без водителей, тоже в беспилотном режиме. Они везли какие-то нужные вещи для предприятий города... Например, для завода по производству потуса — популярного напитка на основе имбиря. Или продукты для Фудкорта, в котором столовались любители общепита.

А справа мелькали мотоциклы и фургончики служб доставки. Вот за рулем на мотоциклах и в фургончиках

сидели люди. Хотя, конечно, и эти средства передвижения тоже были полностью под контролем компьютера. Никаких дорожных происшествий или наездов на пешеходов, как во времена молодости тети Поли.

Трамвай двигался все медленней, затем встал.

— Что там? — спросил кто-то из пассажиров.

— Да воду с путей вон откачивают... не проехать, — ответили ему с передней части трамвая.

— Спасибо нашему дорогому мэру, — с язвительной интонацией вступил в разговор еще кто-то, третий. — За нашу новую ливневую канализацию.

— А что с ней не так?

— Да все с ней не так! Каждый дождь листьями забивается, мусором. Лужи на тротуарах не просыхают, а как ливень, так вообще хоть на лодках катайся. И Дымку, речку, еще под землю загнали зачем-то...

— И что теперь, новую ливневку делать? А деньги у города на это откуда?

— Можно проще поступить — прорыть канавы вдоль дорог, пусть вода туда стекает.

— Только канав в городе не хватало! Чтобы все ноги переломали...

«Может, меня и не затянуло бы ни в какую трубу. Мое тело бы в нее просто не пролезло!» — подумала Васса и вздохнула.

Скоро Вассе стало скучно слушать все эти разговоры вокруг, она воткнула в ухо наушник. Но и в новостях, как назло, говорили тоже о дожде:

— ...если ситуация с погодой не изменится, то в скором времени ливень побьет рекорд стотридцатилетней давности. Тогда уровень осадков достиг невероятной высоты. Уже сейчас подтопление внесло свои

коррективы в движение общественного транспорта. Стоят трамваи на проспекте Мира. Затоплен переход на улице Гагарина, в водную ловушку попали некоторые автомобили служб доставки... Виталий Канатчиков, мэр города Кострова, рекомендует жителям по возможности не покидать свои дома...

Вассе стало еще скучнее. Она вновь принялась смотреть в окно. Однотипные здания вдоль дороги, одинаковые детские площадки, похожие друг на друга люди иногда пробегали мимо, по залитым водой тротуарам. Везде торчали вышки — с их помощью, без всяких проводов, передавали электричество, были и вышки связи, иные облеплены, точно подводные камни присосавшимися к ним ракушками, множеством передатчиков, торчали вышки еще для каких-то нужд... Их было так много, этих вышек, что они напоминали бесконечный уродливый забор, тянущийся вдоль дороги и одним своим видом напоминающий прохожим — дальше ты не пройдешь. «Какая тоска. В каком сером городе я живу. Впрочем, при чем тут Костров, сейчас везде такая серость, говорят. Во всем мире».

Перемены наступили еще до рождения Вассы, рассказывала тетя Поля (впрочем, о том же самом можно было и в интернете прочитать). Сначала прокатилась первая вирусная пандемия. Ну как первая, не первая, конечно, эпидемии разной интенсивности случались регулярно во все эпохи. Просто самая жестокая, самая известная, которую называли «испанкой», затронувшая весь мир — случилась лет за сто до того. Эта же пандемия, новая, тоже коснулась всех жителей Земли и сильно ударила по мировой экономике, населению стало

уже не до прежних роскошеств. Потом дела вроде бы потихоньку начали налаживаться, люди думали, что повторения подобной эпидемии долго не будет. Тоже лет сто! Но нет, скоро случилась следующая эпидемия, потом третья, а потом и вовсе пару раз в год все регулярно стали запирались по домам, недели на две обычно, а то и на месяц. Закрылись окончательно города, любую поездку теперь надо было подтвердить, согласовать, получить спецпропуск.

Туризм почти зачах, это теперь было очень дорогое удовольствие и только при наличии квот в принимающей стране. Чтобы никаких толп нигде! Общественные развлечения тоже затухли — ни театров, ни кинозалов, ни больших торговых центров. Ноль общественных мероприятий.

Единственное место в Кострове, где теперь можно было собраться в межсезонье людям, — это Фудкорт. Но в период эпидемии и он закрывался, работала только доставка.

Ни спортивных соревнований, ни музыкальных концертов, само собой.

С одной стороны, развитие технологий не стояло на месте, но в остальном жизнь сильно обеднела. Прежде хоть красивые дома строили, реставрировали обветшавшие, а теперь все новое — это однотипные постройки, а старые здания, если только они не представляли совсем уж невероятной исторической ценности, просто сносили. Денег на их содержание и восстановление не находилось.

Мода просто-напросто умерла. Какие еще наряды, какой имидж... Одежда — самая незатейливая, без сложных элементов, складок, защипов и прочих красот.

Потому что такую простую одежду легче дезинфицировать, а от тканей, из которых ее шили, нынче требовалось лишь одно, чтобы они были крепкими и могли выдержать множество стирок. Повседневная одежда современного человека напоминала теперь туристическую или рабочую униформу. Во времена карантина многие надевали специальные комбинезоны, обеспечивающие максимальную защиту от вируса. Никто уже не гнался за красотой, разработчики одежды больше думали о том, как, например, удобнее почесаться человеку в таком «скафандре»...

Настроение у Вассы опять испортилось. И, как всегда, перед визитом к Демьяну Демьяновичу, чтобы уж совсем плохо стало, она отчетливо ощутила свое главное горе. Потерю родителей. Папу и маму Васса даже не помнила, поскольку на момент их гибели (в автостастрофе) она была совсем маленькой. Вассу воспитала тетя Поля, троюродная сестра папы.

А эта дурацкая болезнь?! Когда ничего нельзя, и ни шагу в сторону, и всего беречься, и не напрягаться, и не волноваться... Васса осмелилась передвигаться по городу одна, без сопровождения тети Поли, лишь совсем недавно, перед своим двадцатилетием.

Сердце. Нелепое, никому не нужное, навсегда большое сердце Вассы.

— ...в конце месяца обещают открытие нового развлекательного центра, — между тем шуршало в наушнике. — Этот проект с самого начала подвергается жесткой критике со всех сторон. Имеет ли смысл в наше время затевать подобную авантюру, напрямую связанную с угрозой массового заражения каким-нибудь очередным новым вирусом? Общество до сих пор

спорит о нужности Фудкорта, но нет, теперь еще и развлекательный центр как новый источник повышенной опасности для населения... Странники мэра утверждают, что развлекательный центр — это мощное лекарство против депрессии, охватившей многих людей. Кроме того, некоторые из ученых упорно повторяют, что скопление людей в разумных пределах способно повысить коллективный иммунитет...

«Зачем я живу? Для чего? — Васса уже гнала по кругу одни и те же мысли. — Жизнь и так паршивая, а тут еще моя болезнь, от которой никогда не излечиться. Я обречена *навсегда*, и главный вопрос лишь в том, сколько мне еще осталось — несколько лет или несколько месяцев? Бедная тетя Поля... Она из-за меня не смогла устроить свою личную жизнь, я словно пиявка какая-то высосала ее всю! Тетя только и делает, что ухаживает за мной, кормит-поит, тратит на меня свою пенсию, ни с кем не общается. У нее ведь даже близких подруг нет, если подумать... Так, созванивается с какими-то приятельницами время от времени, но это ж разве дружба...»

Трамвай плавно, почти незаметно тронулся с места. Затем, через несколько минут, мягко остановился и его двери открылись, впуская новую порцию пассажиров. Васса отметила это краем сознания, не отрывая взгляда от серого пейзажа — карикатурно-искаженного, из-за текущих по стеклу струек воды.

Народу в трамвай набилось непривычно много, дожидаясь его, люди успели скопиться на остановке.

Резко запахло сыростью, отдушками, которыми наполняли средства для дезинфекции и стирки — намоченная одежда щедро «отдавала» эти ароматы в воздух...

— Соблюдайте социальную дистанцию, граждане! Ну куда вас столько набилось?

— ...такое впечатление, что нарочно народ в дома загоняют этим дождем. Вы заметили, как испортилась погода? Ни одного хорошего дня за последний год, обязательно какая-то ерунда случается.

— На климатическое оружие намекаете? И не надоело? Да сколько можно! Люди сами свой климат испортили!

— А вы вокруг смотрели? Вы гляньте, сколько этих столбов понатыкали вокруг...

— Но это дикость — валить все на вышки, это же средства связи, и потом, с тех пор как электричество стало беспроводным, без них не обойтись... Вы уж выберите, либо вышки связи, либо все кабелями завешано...

— Средства связи, беспроводное электричество... Представьте, сколько излучения вокруг нас! Скоро в мутантов превратимся. Слышали, рыбу недавно в коллере рабочие обнаружили — огромную, зубастую... То ли акулу, то ли гигантскую пиранью!

— И вы верите этим слухам, про рыбу-мутанта?! Где хоть одно нормальное фото, а не фейковое?

— ...Никто не торопится создавать семью, рожать детей... Людям самим бы выжить.

— А молодежь какая наглая пошла, заметили?

— И не говори, Ильинична. Дети «удаленки». Раньше их хоть учителя в школе воспитывали, как нас, например, а сейчас какие-то боты. Ну кого робот может воспитать? Только бездушную скотину.

— Здоровые все, откормленные. Морды круглые, глаза пустые-пустые... Смотрит такая на тебя в упор — и не видит ничего.

— А потому что только о себе думает, о своем комфорте. Что ей другие, старики.

— Наверное, из понаехавших. Наш дурак, Канатчиков, говорят, их приглашает до сих пор. Приезжих. На стройках работать, тарелки в Фудкорте мыть. Никто не приглашает давно, а он зовет, и кто его только выбрал... А они сюда заразу везут... Да вы посмотрите, она точно не из наших. Даже русского языка не знает наверняка!

Не сразу до Вассы дошло, что это сейчас о ней говорят. Она, словно преодолевая вязкое, склизкое, студенистое сопротивление, которым было заполнено все пространство вокруг, повернула голову и заметила перед собой трех дам «элегантного возраста», как сейчас было принято обозначать старость.

Две дамы — вполне обычные немолодые тетушки, чем-то даже похожие между собой как сестры: плащами неопределенного цвета и неопределенной длины, превращавшими их фигуры в куб, одинаковыми короткими стрижками, и даже цвет волос (вернее, цвет краски для волос) был у них одинаковый, коричнево-бурый. Может, и правда они являлись самыми настоящими сестрами. Одна «сестра» чуть выше, чуть худее, а лицо веселее. Другая серьезная и строгая.

Третья же дама выглядела весьма примечательно. Хотя и одеждой, и прической, и даже «мастью» почти не отличалась от своих приятельниц. Кажется, именно ее и звали Ильиничной.

У нее был пронзительный и очень острый взгляд. Слишком острый, слишком пронзительный для обычного человека. Скорее более подходящий для зверя, для хищника, приготовившегося к нападению. Так выгляды-

вают добычу. Верхняя губа у Ильиничны была чуть приподнята, и виднелись два крепких и идеально-белых металлокерамических клыка сверху; ноздри раздуты. Она, почти не мигая, разглядывала Вассу сверху вниз.

Вассе стало страшно.

— Ну и что уставилась-то... — насмешливо спросила Ильинична, глядя ей прямо в глаза. — Место уступи.

В первый момент Васса захотела вскочить. Как не подчиниться приказу? Но уже в следующее мгновение она себя осадил — вот еще, следовать командам какой-то «левой» тетки в трамвае! Кстати, слабосильной старушкой эта Ильинична вовсе не выглядела. Скорее мощным и матерым зверем, грузным — да, но зато очень опытным, экономным в движениях. Не заметишь, как такая Ильинична вцепится и горло перегрызет искусственными зубами. Куда там молодым до нее, молодые равнодушнее, да и спокойней, ленивее — не станут гоняться за своей добычей, а вот от этой хищницы точно не уйдешь без потерь.

Раньше в общественных местах о Вассе заботилась тетя Поля. «Пропустите, я с ребенком, пожалуйста, дайте сесть, у меня ребенок инвалид!» — бодро и добродушно оповещала она окружающих, и все ей так же добродушно уступали. Тетя Поля сажала ребенка, то есть Вассу, на освободившееся место и горячо благодарила окружающих за понимание. Никогда никаких конфликтов не возникало. Когда же, в последнее время, Васса ездила одна, то конфликтов тоже ни разу не вспыхивало. Во-первых, трамваи всегда ходили полупустые, во-вторых, Васса ездила на общественном транспорте довольно редко (вот как сейчас, в кардиодиспансер), и потом ситуаций, когда Васса сидела, а над ней скло-

нялись дамы «элегантного возраста», просто не случилось до этого момента.

— Уступи, — с бесстрастным выражением, раздувая ноздри, повторила Ильинична.

Две «сестры», поглядывая на свою подругу, тоже закудахтали в один голос возмущенно:

— Девушка, ну неужели совести у вас нет, так трудно пожилым людям место уступить...

Наверное, если бы кто-то из пассажиров услышал эту перепалку, возможно, уступил бы свое место, но нет, другие сидячие места располагались далеко, а между ними еще стояли люди, в основном по направлению движения трамвая, спиной к хвосту вагона. Так что это был театр всего лишь четырех актеров — Вассы и трех ее оппоненток.

После синхронных реплик «сестер» Васса вновь была уже готова подняться с места (проще же и правда уступить, чем препираться, оно и для здоровья полезней — не придется нервничать), но тут Ильинична подала очередную реплику:

— Не реагирует она... Точно из понаехавших. У наших людей кусок хлеба отнимает.

— И не один кусок, — хихикнула та «сестра», что пониже и поплотней.

— Может, и не хлеб, а... — хихикнула вторая «сестра», но сбилась, придумывая продолжение фразы, чего там Васса у кого отнимала.

— Точно, Машенька, у нее совсем другая работа, — ликующе подхватила Ильинична. — И мы знаем какая.

Она явно намекала на какую-то гадость. Тут уж Васса окончательно передумала вставать. Вот еще, потакать всяким нахалкам...

— Девушка, да будьте же человеком, неужели вам не стыдно! — гневно воскликнула та «сестра», что повыше.

— Дашенька, ну какой стыд, ты на нее посмотри только... — засмеялась Ильинична.

Тут Васса не выдержала и сказала, обращаясь сразу ко всей троице:

— Я инвалид.

Машенька с Дашенькой вздрогнули, словно испугались, но на Ильиничну это заявление не подействовало, нет. Она продолжила с каким-то вызовом:

— Хех, инвалид она... да на тебе пахать надо, милая!

И тут у Вассы словно что-то переключилось в голове. Она медленно принялась расстегивать молнию на платье.

Машенька с Дашенькой растерянно захлопали глазами, а вот Ильинична произнесла с интересом:

— Гляньте, она стриптиз, что ли, собралась нам показывать... маленько ошиблась адресом, милая...

Васса никогда и ни перед кем не раздевалась. Никто не видел ее тела. За исключением, разумеется, тети Поли и Демьяна Демьяновича, доктора. Она одевалась всегда в закрытые, с высоким воротом, платья или рубашки. Обнажить хоть кусочек своего тела на публике? Да такое просто невозможно. Но сейчас, верно, Васса была совсем не в себе, так ее довели эти злые тетки.

Васса расстегнула молнию почти до пояса и распахнула борта платья. Там, на ее теле, она знала, ровно посредине, от ключиц и ниже, почти до самого пупка — был широкий, выпуклый, ярко-малиновый (не теряющий своего интенсивного цвета даже со временем) шрам. Шрам после сложнейшей операции на сердце,

которую ей когда-то провел Демьян Демьянович, тем самым зачем-то продлив невеселую Вассину жизнь. Шрам, перечеркнутый поперек самым простым белым лифчиком, словно бинтом.

Машенька с Дашенькой уставились на этот шрам и мгновенно побледнели, выражение их лиц поменялось. Растерянность, страх... и сожаление. Потом жалость. Раскаяние...

— Простите, — прошептала Машенька.

— Извините, девушка, — неловко пробормотала Дашенька. — Сидите-сидите, ну кто ж знал... Ох, как нехорошо вышло. Простите.

— Простите, простите! — пролепетала Машенька.

Но лицо Ильиничны не выразило ни раскаяния, ни сожаления. Лишь одну досаду, из серии — надо же, не получилось... не вышло спектакля. Сорвали его на самом интересном месте!

Васса быстро застегнула молнию обратно. Вдруг почувствовала, что руки у нее дрожат. От какого-то странного, непривычного, совсем не свойственного ей чувства. От злости?..

— Да что ж вы молчали, что инвалид? — отступая, недовольно произнесла Ильинична. — Сразу бы объяснили ситуацию... Нарочно, что ли, нас дразнили? Развлечение такое — окружающих в неловкое положение ставить?

— Я вам сразу об этом сказала, — быстро ответила Васса. — Но вас это не остановило. Потому что вы любите заниматься этим самым... провокациями! Спорим, вам нравится всех обижать, задевать, выводить на эмоции?

Никогда до этого момента Васса ни с кем не прекалась вот так, вслух. Мысленно — да, сколько раз

проговаривала про себя обличительные вещи, но тут ее словно прорвало. Она *открылась*.

На них уже все оглядывались в трамвае, перешептывались — что случилось? Из-за чего конфликт-то там вышел, на задней площадке? Даже внимание публики Вассу не остановило.

— Вы злая женщина, — произнесла она негромко, но отчетливо, глядя в круглые от изумления глаза Ильиничны. — Я вас прямо насквозь вижу.

Ильинична не стала отвечать, она невозмутимо пятилась прочь, а вот Машенька с Дашенькой продолжали лепетать что-то, пытаясь оправдаться.

...Когда-то давно, в детстве, Васса думала, что взрослые — они другие. Они умнее, лучше, выдержанней, разумнее детей. Нет, есть какие-то непутевые взрослые, или гормоны и болезни тоже, говорят, на поведение влияют, но такие люди — странное исключение, а в основном взрослый возраст должен накладывать отпечаток на сознание и поведение человека.

Сегодня же Васса осознала вдруг, что внутренняя сущность человека остается неизменной на протяжении всей его жизни. Характер не меняется. Что с того, что эта Ильинична уже давным-давно почтенная дама на вид. Там, внутри ее, все та же вредная девочка, любящая задевать всех, кто кажется ей слабым, и для того она собирает вокруг себя группу поддержки, состоящую из таких вот «Машенок» и «Дашенок», которые, в общем, являются обычными людьми, даже не злые они совсем, если разобраться... И совесть у них есть, да и не глупые они. Просто, как и в детстве, эти «девочки» любят сбиваться в стаи, под крыло какого-нибудь лидера.

А раз люди не меняются с возрастом, то это значит, что и ей, Вассе, всю жизнь, до самой смерти, быть пу-гливой мямлей, ни на что не способной, сидящей на шее своей единственной тетки.

Или же можно измениться, если все это вовремя по-нять, увидеть свою слабость? И нечеловеческим усили-ем все-таки переделать свой характер? Тем более что ее там, той жизни, осталось Вассе...

Другой момент. Смысл всерьез воевать с какими-то тетками в трамвае, думать еще о них... Пожалуй, если уж и становится наконец взрослым человеком, то на-до выбирать, с чем или кем воевать, а на что и внима-ния обращать не надо... Если в будущем какая-нибудь «Ильинична» вздумает затеять с Вассой войну, то про-сто не следует вступать в эту войну, надо как-то хитро себя повести, что ли?..

Обо всем этом стоило серьезно подумать.

Но не сейчас. Потому что сейчас — нужная оста-новка.

Васса встала, протиснулась сквозь толпу и поста-ралась с достоинством выйти из трамвая. Бульк! Но-ги сразу оказались по щиколотку в воде. И даже че-рез верх сапога перелились брызги, стекли вниз. Васса ощутила холодную воду внутри сапога и поморщилась.

...Кардиодиспансер — одно из самых современных зданий в Кострове. То есть это был большой сарай без окон, из темного, глянцевого, самоочищающегося мате-риала, напоминающего непрозрачное толстое стекло.

В кардиоцентре, единственном, наверное, во всем Кострове строении, вход располагался не на уровне земли, а выше. Ко входу вели ступени с одной сторо-ны, с другой располагался пандус.

Васса поднялась по пандусу, привычно вздернула лицо вверх, подставляя его очередному тепловизору. Затем провела ладонью правой руки, той, в которую был имплантирован чип, перед панелью на передней двери, без единой скобы или ручки.

Щелк — дверь медленно сдвинулась вбок, сама.

Васса зашла внутрь, в тесный «предбанник» со стенами золотистого цвета.

— Васса, закройте, пожалуйста, глаза для санобработки, — раздался механический голос. Васса послушно закрыла глаза, и откуда-то сверху и со всех сторон ее обдало потоком тепловатого воздуха. — Можете открыть глаза. Пожалуйста, проходите.

Васса оказалась в следующем помещении — гардеробной, там повесила плащ на вешалку, зонтик поставила в углу, на специальную подставку. Стянула с себя резиновые сапоги, переобулась в одноразовые тапочки. Гелевого санитайзера здесь не было, у дверей, ведущих в глубь здания, стоял дорогой ультразвуковой. Туда просто надо было сунуть руки буквально на пару секунд. Руки полагалось обрабатывать отдельно и особо тщательно.

Затем очередная санобработка со всех сторон, опять пришлось закрыть глаза.

Лишь после этого Васса попала в «чистую» зону.

...Длинный серо-голубой коридор. Запах лесной свежести. Так пахла отдушка, но дорогая отдушка, приятная. Васса знала, что здесь, в диспансере, одном из немногих учреждений в городе, имелась система внутренней фильтрации воздуха. Точно такие же системы применялись и в самолетах, например. Воздух очищался от вредных примесей, а ультрафиолетовые лампы

внутри фильтров убивали вирусы... В самолетах Васса никогда не летала, да и мало кто, по нынешним временам, мог позволить себе это удовольствие (разве что очень богатые люди да чиновники или главы правительств), поэтому каждый раз, оказавшись в диспансере, она воображала себя пассажиркой самолета.

Именно такие фильтры когда-то обещали поставить в транспорте и в обычных домах, но пока в мэрии не хватало на это средств.

Поворот коридора, еще поворот... Навстречу Вассе шел высокий молодой мужчина в белом медицинском халате, с белыми волосами и светло-серыми глазами. Это был один из знакомых докторов, Алексей Владимирович, или просто Алекс. Так Васса привыкла его звать с детства. Алекс — психотерапевт, иногда он беседовал с Вассой у себя в кабинете, но на какие-то странные темы. Из серии — что снилось, о чем думаешь и всякое такое прочее. Васса относилась к этим беседам как к какой-то формальности. Никаких чувств доктор Алекс у нее не вызывал. Очень холодный, очень спокойный человек с абсолютно механической улыбкой на лице...

— Здравствуйте, Алекс.

— Здравствуй, Васса. К Демьяну Демьяновичу?

— Да.

— Все в порядке?

— Н-не знаю... Я на плановый осмотр...

В конце коридора — дверь с табличкой, оповещающей о том, что здесь ведет прием профессор медицины Демьян Демьянович.

Васса провела ладонью правой руки перед панелью на двери. Она мягко и тихо поползла в сторону.

— Васса... — Из-за стола поднялся профессор Демьян Демьянович. Невысокий, темноволосый, худощавый, с узким длинным лицом и вечной щетиной на подбородке. Кажется, этот человек совершенно не менялся внешне. Или все-таки изменился за последние годы? Ну да, щетина стала уже наполовину седой. — Рад тебя видеть. Как добралась?

— Нормально.

— Да где ж нормально, наш Костров на Венецию теперь стал похож! Почему одна, без тети?

— Не могу я ее в такую погоду из дома вытаскивать, — пожала плечами Васса. — Она хотела, но я ее отговорила.

— Давай послушаю тебя...

Демьян Демьянович вставил в уши дужки фонендоскопа, принялся прослушивать Вассу спереди и со спины. Слушал и чего-то хмурился.

— Идем... На томографе еще тебя посмотрим.

...Чего только не делал в этот день Демьян Демьянович с Вассой — и в томограф ее клал, и перед какими-то приборами ее ставил, просвечивал, проводами с датчиками обматывал.

Потом они опять оказались в кабинете у доктора. Вассу он попросил посидеть в кресле, а сам уставился в экран монитора, на котором отображались результаты всех обследований. «Точно помру скоро, — мрачно подумала Васса. — Вон он как хмурится и подбородок все время трет!»

— Мне иногда кажется, что я чувствую свое сердце, — вздохнула Васса. Она не жаловалась, нет, она просто хотела поделиться с доктором мыслями.

— Что именно ты чувствуешь? Болит? Щемит? Колет? — с тревогой спросил профессор.

— Нет, не болит и не колет... Но временами ощущаю какую-то тяжесть вот здесь, в груди. И шевеление. Сердце может шевелиться? Как будто во мне... ребенок? Только вот он почему-то не в животе, а выше. Но откуда у меня может быть ребенок. Я же ни с кем никогда... Или нет, не ребенок, а Чужой, есть такой старый фильм...

— Васса, детка, ну что за ерунда у тебя в голове, — вздохнул Демьян Демьянович. — Ребенок, еще Чужого вот какого-то придумала... это твое сердце, правда. Иногда сбивается с ритма, пульсирует, и действительно кажется, что оно шевелится. А не похоже оно на шевеление лягушки? Между прочим, раньше такие симптомы и называли «грудной жабой».

— Ну да, похоже на шевеление жабы, — вздохнула Васса. — Какая гадость. Ненавижу себя.

— Ты просто не можешь смириться со своей болезнью...

— Я никогда с ней не смирюсь, — с раздражением произнесла Васса. — И зачем вы когда-то меня спасли, не понимаю. Дали бы мне умереть нормально!

— Тебе не нравится твоя жизнь, детка?

— Нет, конечно! — сварливо произнесла Васса. — Только не говорите мне про жизнь, у меня нет жизни, у меня — существование.

— Я, пожалуй, сейчас позову Алекса, пусть он с тобой побеседует...

— Да не нужен мне этот Алекс! Я хочу на работу устроиться и тете помогать. Хоть какой-то толк должен от меня быть?!

— Тетя тебя об этом просила?

— Нет, тетя Поля никогда ничего не просит, она вообще ангел, тянет меня на себе... Это я, я хочу ей помочь, я чувствую перед ней вину!

— Тебе нельзя работать. Тебе нельзя напрягаться, нервничать, переживать...

— Ха! Я от того переживаю, что совсем никчемная... И вообще, — неожиданно озарило Вассу. — Я совершеннолетняя уже, так? Значит, имею право принимать решения сама. И вы мне не указ, Демьян Демьянович. Я к вам больше не приду.

— Но чтобы получать пособие по инвалидности, ты должна постоянно наблюдаться...

— Плевать на пособие. Если у меня такое плохое здоровье, как вы говорите, я все равно долго не протяну.

— Ты можешь умереть...

— Да я хочу умереть, хочу, неужели вы это так и не поняли?! — всплеснула руками Васса. — Мне никакой радости от этого унылого существования, мне жалко тетю, она единственный родной человек мне, за что она мучается со мной...

Вассу словно прорвало. Она говорила и говорила — о том, что не знает, куда деваться от стыда и тоски, которые постоянно терзают ее, что от мыслей о том, что ей никогда не стать нормальным человеком, ей уже и ночью не спится... Как жить, когда впереди пустота? И никакой возможности стать профессионалом в чем-то, в каком-либо деле, и никакой надежды обрести свою собственную семью.

Допустим, о своей собственной семье Васса не думала. И о любви тоже. Кому она, Васса, нужна, невоз-

можно же найти молодого человека, согласного терпеть возле себя такую уродину, с этим ужасным шрамом на теле. Но надо же как-то убедить Демьяна Демьяновича в своей никчемности!

— Стоп, Васса, стоп, — постучал он ладонью по столу посреди ее страстного монолога. — Я тебя понял. Ты устала от своего нынешнего распорядка. Тебе нужны новые впечатления. А почему бы тебе не начать снимать кино? Сейчас очень многие этим занимаются. Можно зарабатывать неплохие деньги, не выходя из дома. У тебя прекрасно развито воображение, вон как ты убедительно рассказала мне о Чужом у себя в груди... Запишись на онлайн-курсы по кинематографии, или как это сейчас называется... Освоишь программу и начнешь придумывать свои истории.

Васса поняла, о чем сейчас толковал профессор.

О том, что неплохо бы ей заняться модной нынче компьютерной анимацией. Она существовала с давних пор, в основном в виде мультфильмов с фантастическими персонажами или антропоморфными животными и прочими невероятными существами. Или с ее помощью, вернее, с помощью компьютерной графики, когда-то создавали спецэффекты в обычном кино... Но раньше снимали живых людей, то есть актеров. Это было *настоящим* кино.

Сценарист писал сценарий, продюсер решал, работать с этим сценарием или с другим, в создании фильма участвовали режиссер, костюмер, другие профессионалы, те, что занимались звуком, реквизитом и прочим. Оператор снимал на камеру актеров, потом монтаж всего изображения и озвучка...

Сложный, долгий, очень дорогой процесс, требовавший много денег. Искались какие-то специальные помещения, устанавливались декорации...

И все это для того, чтобы история на экране приобрела реальный вид, стала живой. А анимационные фильмы зрители тогда воспринимали больше как мультики.

Все потому, что человеческое тело — сложная конструкция. Движения корпуса, рук и ног, повороты головы, артикуляция губ при разговоре, как развеваются волосы на ветру у человека, сминаются складки его одежды, словом, вся это биомеханика — поначалу не поддавалась программе... А еще надо создать естественный фон — как качаются ветви у деревьев, ложатся тени на землю и прочее...

Человеческий глаз умел отличить настоящего и живого актера от нарисованного, от созданного программой. Мало того, слишком уж правдоподобная картинка даже раздражала зрителя. Когда до идеала оставалось вроде бы совсем чуть-чуть! Но какие-то мелочи, нюансы вдруг начинали сбивать с толку, напоминали — а это все ненастоящее. И «откровенно мультяшные» мультфильмы воспринимались зрителем лучше, чем тщательно просчитанная «реальность».

Но в какой-то момент создателям программ удалось перешагнуть последнюю черту, отделяющую рисунок от живой картинке. И зритель уже не мог определить, где перед ним актер, а где — компьютерный персонаж, где пейзаж снят оператором в реальности, а где — нарисован с помощью новых технологий.

Погружение в действительность в один прекрасный день стало абсолютным.

К тому моменту индустрия кино и без того переживала не самый легкий период. Люди в период локдаунов привыкли смотреть кино дома, и кинотеатры теряли зрителей. Актерам и создателям фильмов тоже мешали частые карантинны. Как всем собраться вместе для съемок, если велика опасность заразиться в этот период? А долгие простои только ухудшили ситуацию, сделали кино слишком дорогим удовольствием.

И кино, то самое, привычное, с живыми актерами и живой натурой, исчезло навсегда. Ровно в тот момент, когда компьютерная графика перестала отличаться от картинки, снятой в реальности, с реальными людьми. Фильм теперь можно было сделать тоже дома, самому. Одному! Без съемочной группы...

Поначалу этим занимались те, кто был близок к кинематографу, а потом, когда программа, с помощью которой можно было снять фильм, подешевела, стала доступной — уже всем, кому не лень. Любой человек мог теперь создавать полнометражные фильмы и сериалы. Конечно, на экраны выходило много шлака и ерунды, но за хороший продукт зрители были готовы даже заплатить.

...Вот какую работу предлагал сейчас Демьян Демьянович Вассе.

— Нет, — подумав, с тоской произнесла она. — Не мое это. Не хочу. Я совсем не творческий человек. Да вы меня не поняли, Демьян Демьянович. Я хочу не дома сидеть, а что-то делать. Полезное! Например, заниматься доставкой.

— Детка, это тяжелый труд! — опешил тот. — Нет-нет, только не доставка!